

в них см.: Гладких Ю. Г. Логика без экзистенциальных предпосылок. Ростов, 1984.

⁴ Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966. С. 227.

⁵ Напомним, что связанная квантором переменная — это результат операции над областью изменения свободной переменной.

⁶ Quine W. V. *Methods of logic*. N. Y., 1961. P. 224.

⁷ Russel B. On denoting.— *Contemporary readings on logical theory*. N. Y., 1967. P. 93—105.

⁸ Там же.

⁹ Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология//Значение и необходимость. М., 1959. С. 298—320.

¹⁰ Гладких Ю. Г. Указ. соч. С. 85—89.

¹¹ Hintikka J. *Philosophical problems in logic*. Dordrecht, 1970. P. 34.

Кант, ценностные суждения и некоторые классические проблемы философии

А. Н. Троепольский

(Калининградский государственный университет)

В текстах произведений Канта и, в частности, в тексте «Критики способности суждения» терминология «ценностные суждения» не употребляется. В этой работе Кант анализирует природу эстетического суждения, под которым он понимает суждение, «определяющее основание которого может быть только субъективным» (5, 203). В качестве разновидностей эстетического суждения Кант рассматривает суждения, предикаты которых представлены словами «приятное», «прекрасное», «доброе» (5, 217). Однако, нам представляется, что список суждений, определяющее основание которых является субъективным, легко может быть продлен. Например, к числу эстетических по этому основанию следует отнести суждения с предикатами «умный», «серьезный», «справедливый», «полезный» и т. д. Но столь же ясно, что название этих суждений в качестве эстетических становится все менее мотивированным, хотя, с другой стороны, становится очевидным, что общим для этих суждений по-прежнему является употребление в качестве определяющего основания связи субъекта с предикатом ценностного мотива, проявляющегося у лица, высказывающего эти суждения в виде чувства (не)удовольствия.

В связи с этим правомерна реконструкция: конституировать класс ценностных суждений, подклассами которого выступают кантовские эстетические суждения. Введем в рассмотрение этот класс посредством следующего явного определения: ценностные суждения — это суждения, в которых слова «хорошо», «плохо», «приятно», «неприятно», «прекрасно», «безобразно», «добро», «зло» и т. д. используются в качестве оператора либо предикатора, т. е. по схеме модальностей *de dicto* либо *de re*.

Кант характеризует эстетическое суждение как «такое суж-

дение, предикат которого никогда не может быть познанием (понятием об объекте, хотя вообще-то может содержать в себе субъективные условия познания)» (5, 128).

Далее он разъясняет, что «в таком суждении определяющим основанием служит ощущение. Но, продолжает Кант, есть лишь одно-единственное так называемое ощущение, которое никогда не может стать понятием об объекте, и таково чувство удовольствия и неудовольствия. Оно чисто субъективно, тогда как всякое другое ощущение может быть использовано для познания» (5, 128).

Однако ценностные суждения, как известно, составляют лишь определенную часть утверждений, высказываемых людьми. Другая ее часть — неценностные утверждения, т. е. суждения, не содержащие в себе вышеотмеченные слова в качестве операторов либо предикаторов. К числу таких, например, относятся высказывания о мире: «Мир конечен в пространстве и времени», «мир бесконечен в пространстве и времени» и т. д. Но последние, по Канту, в силу их антиномичности также не имеют познавательного значения (4(1), 109—110; 3, 399—403). Эти выводы Канта, как известно, заложили антисциентистскую традицию в философии, которая еще более окрепла в XX столетии в различного рода постпозитивистских, экзистенциалистских и герменевтических системах философии. Тем самым принижается познавательное значение философии для человечества и его отдельных представителей.

В связи с этим встает проблема более обстоятельного описания гносеологического статуса ценностных суждений на основе интересубъективного описания их логико-семантического статуса. Небезынтересно отметить, что Кант, логически характеризуя эстетические суждения, обходит молчанием вопрос об их истинностной оценке, хотя, как известно, с логической точки зрения «истинность» и «ложность» являются атрибутивными признаками любого суждения. Отсюда следует, что 1) либо Кант отказывает ценностным суждениям в истинностной оценке и тогда в «Критику способности суждения» изначально закладывается формально-логическое противоречие, разрушающее ее, либо 2) он неявно оценивает эти суждения в терминах «истинно» и «ложно»; но тогда эти суждения с необходимостью имеют в определенном смысле познавательное значение. Следовательно, для того чтобы лишить антисциентистов в философии ссылки на непознавательный характер ценностных суждений, следует показать, в каком смысле ценностные суждения имеют познавательное значение.

Можно с уверенностью сказать, что рефлексия над ценностными суждениями отталкивается от констатации того простого факта, что единичные ценностные суждения типа «Этот напиток приятен», «Эта картина прекрасна» и т. д. для различных людей примут различные истинностные значения, хотя субъ-

ективная общезначимость второго будет выше первого. Отсюда Кант заключает, что предикат таких суждений никогда не может быть понятием об объекте, ведь понятие о некотором объекте у всех едино в отличие от ощущения его. Следовательно, эстетические суждения не имеют познавательного значения.

Однако, на наш взгляд, такой вывод у Канта не опирается в должной мере на логико-семантический анализ эстетического суждения.

Так, например, нетрудно понять, что в ценностном суждении (1): «Этот напиток приятен» мы имеем энтимематический способ выражения одного из следующих конкретных высказываний:

(1') 1) Этот напиток приятен (для меня).

(1'') 2) Этот напиток приятен (для некоторых).

(1''') 3) Этот напиток приятен (для всех).

Но тогда становится очевидным, что, восстанавливая энтимематическое высказывание до полного высказывания, мы меняем его логико-семантический статус. Во-первых, изменяется предметная область этого высказывания и местность предикатора «приятен». Так, если для высказывания (1) предметная область представлена одним объектом, обозначенным словами «Этот напиток» (формализованная запись: $R_i = \{a\}$), то для высказывания (1') предметная область есть одноэлементное множество, представленное упорядоченной парой объектов, обозначенных соответственно именами «этот напиток» и «я» с точностью до грамматики (формализованная запись: $R_j = \{ \langle a, b \rangle \}$).

Соответственно, если в (1) предикатор «приятен» является одноместным, то в (1') он является двухместным. Но тогда нетрудно видеть, что если (1') истинно, то оно несет информацию о предметной области $R_j = \{ \langle a, b \rangle \}$ в возможном мире $M = \langle \langle a, b \rangle, R_1^2 \rangle$, где R_1^2 формализованная запись двухместного предикатора «...приятен...», для всякого субъекта познания S . Тем самым мы показали, что ценностные суждения могут иметь познавательное значение.

Обратим внимание на то важное обстоятельство, что конкретизация логико-семантического статуса суждения (1) в форме суждения (1') совершенно в новом свете представляет гносеологический статус ценностного суждения (1'). Так, в суждении (1) предикатор «приятен» выступает в качестве способа связи объекта с субъектом, где свойство «быть приятным» рассматривается, по существу, Кантом не как свойство объекта, т. е. этого напитка, а как свойство, характеризующее психическое состояние субъекта познания под воздействием объекта, т. е. этого напитка.

Напротив, в суждении (1') предикатор «приятен» выступает в качестве способа связи двух объектов: этого напитка и меня, т. е. в данном случае онтологизируется прежний субъект по-

знания, т. е. человек, испытывающий на себе воздействие данного напитка. В описанных случаях мы имеем дело с различными схемами процесса познания. В первом случае при истинности (1) подразумевается традиционная схема познания с отрицательным результатом познания: чувство приятности, испытываемое субъектом познания, не является отражением определенного свойства напитка, и, следовательно, этот напиток непознаваем. Во втором случае, т. е. при истинности (1'), действует следующая схема познания: в сознании человека, испытывающего чувство приятности под воздействием напитка, возникает мета-Я, мета-субъект познания, который на основе экстра-интroversивной процедуры соотнесения того, что утверждается в (1') положению дел в мире $M = \langle \langle a, b \rangle, R_1^2 \rangle$, фиксирует соответствие того, что утверждается в этом суждении положению дел в этой новой действительности. Эта схема познания характеризуется сменой объектов познания, субъекта познания, наличием отношения отражения между ними, и, как следствие этого, положительным результатом данного акта познания. При этом принципиально важно обратить внимание на отклонение этой схемы познания на основе принципа отражения от традиционной схемы познания на основе этого принципа. В традиционном понимании принципа отражения под отражаемым понимают объект материального мира, а под отражающим — определенные идеальные элементы, присущие познающему субъекту, т. е. его адекватные ощущения, восприятия, представления, правильно построенные понятия, истинные суждения, концепции и теории. Иначе обстоит дело в схеме познания, соответствующей случаю истинности суждения (1'). Здесь в качестве отражаемого рассматривается идеальное отношение между материальными объектами, т. е. отношение «приятности» между напитком и человеком, дегустировавшим его, а в качестве отражающего — идеальный элемент мета-Я, т. е. мета-субъекта познания, и таким идеальным элементом является само суждение (1').

Данный пример направляет нашу мысль на исследование схемы познания на основе принципа отражения в случаях рефлексии, т. е. в случаях, когда объектами истинных суждений становятся мысли, т. е. понятия, суждения, умозаключения, гипотезы, концепции, теории. Ясно, что в этих случаях и отражаемое и отражающее предстают в виде идеальных элементов. Нам представляется, что, несмотря на это, в данном случае истинность предстает в виде соответствия одной мысли другой мысли. Однако она в данном случае не носит статуса когерентной истины, а по-прежнему представляет модус истины в классическом, аристотелевском смысле, так как здесь само соответствие понимается как соответствие мысли более высокого уровня абстрактности мысли более низкого уровня абстрактности, а в понятии когерентной истины, как нам представляет-

ся, имеют в виду соответствие между мыслями одного и того же уровня абстрактности. Несоответствие в этом случае, т. е. ложь, обнаруживается в виде формально-логического противоречия, которое необходимо устранить из рассуждения, дабы обезопасить его от тривиализации, либо пользоваться в рассуждениях средствами параконсистентной логики¹.

Классический характер истины в случаях рефлексии подтверждает кантовский метод конструирования понятий математики в чистом созерцании, а также наша реконструкция этого метода, позволяющая применять его не только для суждений математики, но и для некоторых философских утверждений².

При этом наша реконструкция этого метода позволяет конструировать эти суждения в эмпирическом созерцании с сохранением их интерсубъективной и, следовательно, необходимой истинности и, как нам представляется, позволяет утверждать, что в этом случае истина имеет не только регулятивное значение, но обладает также свойством критериальности. Она позволяет также, на наш взгляд, более конструктивно проанализировать дискуссию между эссенциализмом и неопозитивизмом. Последний, как известно, объявил псевдопроблемой как само понятие о сущности, так и учение о ней, восходящее к Аристотелю, на основе того, что объекты, именуемые сущностями, не обнаруживаются в опыте, а суждения о них не верифицируются опытом³. Разумеется, можно согласиться с неопозитивизмом в том, что как теоретические понятия, так и теоретические суждения не имеют в качестве своей онтологии непосредственно чувственно наблюдаемые корреляты, однако применение метода конструирования теоретических понятий в эмпирическом созерцании позволяет опосредованно ставить в соответствие теории, т. е. сущностным концепциям, чувственно-воспринимаемые объекты и тем самым в смысле классической истины верифицировать теорию и, следовательно, оправдать эссенциализм.

Да иначе и быть не может! Ведь в обыденном сознании людей эссенциалистские представления неистребимы как предрассудки. Они делают мир людей более богатым, полным и содержательным. Ведь каждый согласится, что человек, в отличие от животных, живет не только в мире твердого, горячего, холодного, кислого, сладкого и т. д., но и в мире добра, справедливости, истины, красоты, которые, несомненно, имеют статус сущностной, а не феноменальной онтологии. Однако следует, на наш взгляд, провести более точную границу между сущностной и феноменальной онтологией. Сущность является обязательным измерением всех чувственно воспринимаемых объектов (явлений). Над всякой чувственной онтологией методом абстрагирования и идеализации можно надстроить сущностную онтологию. Что же касается объектов, фиксируемых интеллектом, то для некоторых из них можно указать в мире

естественные чувственные корреляты, а для некоторых — нет. Так, например, это можно сделать для так называемых понятий наблюдения «дерево», «дом», «стол» и т. д. и нельзя сделать для теоретических понятий. Для последних, на наш взгляд, можно указать лишь искусственные чувственные корреляты, как результаты их конструирования в эмпирическом созерцании. К числу таких понятий относятся понятия математики и других теоретических наук и областей знания, а также философии. Например, таковыми являются понятия «семь», «пять», «материя», «свобода» и т. д. Описанное разграничение онтологий позволяет, на наш взгляд, эксплицировать кантовское различие «вещей в себе» и «ноуменов». Первые — это сущности чувственно-наблюдаемых объектов, т. е. мира природы, вторые — это теоретические понятия, не имеющие естественных чувственных коррелятов, т. е. в кантовской терминологии это сущности интеллигибельного, умопостигаемого мира.

Подведем итоги. Выше мы отметили, что Кант не оставляет места знанию в философии. Это следует из того, что, по Канту, как ценностные суждения, так и неценностные суждения, выходящие за границы возможного опыта, не имеют познавательного значения. Тем самым вся область философии, по Канту, есть «пространство» или «зона» нерелигиозной веры.

В некоторых предшествующих статьях мы обосновали познавательную способность суждений, выходящих за границы возможного опыта⁴.

Теперь мы установили, что ценностные суждения в определенном смысле также имеют познавательное значение. Тем самым мы, вопреки антисциентистам в философии, обосновали возможность научной философии, а в статье «Проблема научности философии в свете идей Канта и современной методологии» мы положили начало разработки такой философии.

Это позволяет несколько иначе ответить на вопросы Канта.

Первый вопрос: Что я могу знать? Ответ: Я могу знать то, что нам сообщают конкретные науки и научная философия. Второй вопрос: Что я должен делать? Ответ: То, что мне подсказывает знание, а если я не имею такового, то делать то, что мне подсказывает глубокая вера. Третий вопрос: На что я могу надеяться? Ответ: На то, что утверждается в ненаучной философии и в религии.

¹ Ньютон да Коста, Диего Маркони. Развитие параконсистентной логики в 80-х годах XX века//Философские науки. 1989. № 9. С. 54—62.

² Троепольский А. Н. Проблема научности философии в свете идей Канта и современной методологии//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1990. Вып. 15. С. 103—106.

³ Kraft V. Der Wiener Kreis. Wien-New-Iork, 1968.

⁴ См.: Троепольский А. Н. Проблема научности философии...; Он же. Формально-логический анализ математических антиномий Канта//Философские науки. 1987. № 2. С. 97—102.